

БОЛЬ, ГОРЕЧЬ, ЛЮБОВЬ

— Я НАДЕЯЛАСЬ, что будут опубликованы стихи Володи. Но вышел лишь маленький сборник «Нерв», после которого наступило затишье. Книжное, а не словесное затишье: слов как раз говорилось очень много — каким Володя был хорошим, никогда не кричал и не пил, был чуть ли не паинькой. И никто уже не вспоминал, что умер он в 42 года, всего в 42, что измучила его бюрократия — ведь это тоже было, а не одна лишь народная любовь. И я решила написать книгу, хотя никогда их не писала, назвав ее — «Владимир, или Прерванный полет». Я ничего не убавляла и не прибавляла. Я писала о Володе, каким он действительно был.

Марина Влади сказала то, что хотела сказать. Потом следуют вопросы, и она скажет больше — для этого французская актриса, с которой последние 12 лет была связана судьба Владимира Высоцкого, и прибыла сюда, во Дворец искусства, на встречу, именovanную пресс-конференцией. Но вопросы задавали не только и не столько журналисты — все, кто пришел, кому Высоцкий действительно дорог.

— Вам наверняка памятна первая встреча с Владимиром Семеновичем. А не могли бы вы рассказать о ней нам?

— Я увидела его в «Пугачеве» — спектакле, где Володя играл Хлопушу. Он очень сильно играл. Впрочем, не только в этом спектакле — Володя вообще актер редкостный и выделялся даже в массовках. Ну а после представления пошли все вместе обедать. Володя сел рядом, глаза — в мои

глаза. А потом: «Знаете, я люблю вас, и вы будете моей женой». Подобное от многих я слышала не раз. И потому лишь улыбнулась. А любовь пришла позже — мы поженились через полтора года.

— Как относились к Высоцкому ваши сыновья?

— Они тогда были маленькие и тянулись к Володе, как крохотные зверечки, ласкаясь и получая нежность и ласку, доброту и сердечность. И только потом, позже, когда подросли, поняли, с каким человеком их свела судьба, великим человеком, которого они и поныне называют отцом. Хвастают, словом.

— Собираетесь ли вы издать переписку с Высоцким?

— К сожалению, многие мои письма и телеграммы к Володе утрачены. Сейчас каким-то странным образом они объявляются небольшими порциями. Ну а все письма Володи ко мне я храню, а в конце концов передам в ЦГАЛИ, когда придет и мой черед покинуть этот прекрасный мир. Кстати, много писем есть в США у художника Шемякина. Он в Америке подготовил трехтомник стихов Высоцкого. Доход от него будет передан в Фонд помощи советским воинам-афганцам, оказавшимся в плену.

— Известно, как Высоцкий стремился к вам. Не возникало ли у него желание остаться с вами во Франции и жить там?

— Он любил Россию, писал

про Россию и никогда не хотел эмигрировать. Он дома был окружен такой любовью народа, питавшей его, что лишиться этой любви он просто не мог.

— С Владимиром Семеновичем вы были во многих городах страны. И, конечно, в Ленинграде, который Высоцкий очень любил. Почему же так мало места в вашей книге отведено нашему городу?

— Трудно писать о горе, но еще труднее — о счастье, а именно счастье мы переживали здесь, в Ленинграде, который дорог и мне, и вообще нашей семье. Я — не только о нас с Володей, еще и о своей маме, которая до революции воспитывалась в Смольном институте. Спустя пятьдесят лет она приезжала на родину, в город своего детства, и было так много трогательного в этом свидании.

— В вашей книге, безусловно, очень много личного, сокровенного. А была ли та черта, за которую, как вы считали, нельзя переступать?

— Да была, как бывает она у каждого, кто не стремится смешать личное с интимным. И эту черту ощущаешь не столько даже умом, сколько сердцем.

— Какими были последние месяцы и дни жизни Владимира Семеновича?

— Он испытывал дикую усталость, тоску — из-за нападков, из-за какого-то странного

следствия, из-за очень многого, что погубило его. Полет Володи действительно был прерван. И потому осталась не только любовь, но и большая боль. И

эти чувства, наверное, испытываю не я одна.

Подготовил
С. ЧЕСНОКОВ
Фото И. Потемкина

Ленинградская газета, 3 марта 1989